

0+

Марина Юрина

Стасины Истории

Марина Юрина
Стасины Истории

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Юрина М. А.

Стасины Истории / М. А. Юрина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Весёлые и романтические, добрые и необыкновенные истории из жизни девочки Стаси, переживающей свой первый ответственный жизненный рубеж - переход из мира детского сада в мир школы. То, что случилось в детском саду - навсегда остаётся в памяти человека. Поэтому сборник подходит для семейного чтения. Для всех бывших и настоящих детсадовцев. Для оформления обложки использована фотография из личного архива автора "Летающий кот".

© Юрина М. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Страдалец задворков	5
Золотой орех	7
Про грибы, капусту и замок	9
Пангасиус	11
Шур и Фрося	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Марина Юрина

Стасины Истории

Страдалец задворков

В детском саду №452, в средней группе «Фантазёры» было четыре Насти. Настя Алексеева, Настя Резник, Настя Пациона и Настя Краюшкина. Настя Резник и Настя Пациона носили одинаковые розовые банты и платица. Играли друг с другом в фей. Настя Алексеева всё время болела. А когда не болела, играла с кем придётся, и во что придётся. А Насте Краюшкиной очень не нравилось своё имя и фамилия. Имя, сами понимаете, почему – Насть вокруг было хоть пруд пруди. А из-за «Краюшкиной» она опасалась, что будут дразнить. Но дразнить Настю Краюшкину никто не собирался. Потому что Настя была не Настя, а Стася. Она играла на приставке в майнкрафт и гонки, в машинках разбиралась и не путала Человека-паука с Росомахой. А еще Стася не любила угловатых и глупоглазых розовых фей и единорогов. Стася ещё с ясельной группы поняла, что дружить лучше всего с мальчишками. Потому что было интересно. С близнецами Матвеем и Тимофеем, которые говорили хором. И с Юркой Чебурахинным – Чебурашкой. И с Толиком из Тюмени. И с Оксаной Михалной. И, конечно же с Пашкой – Павлентием.

Стася сидела на веранде и составляла список. Писать палочкой на пылевой земле фантазёрского участка было не очень удобно. Поэтому Стася писала в столбик лишь цифры и первые буквы дел, представляя себя писцом древнего Междуречья:

1А (открыть старую мамину шкатулку)

2К (кормить кота Томского)

3С (а дома свежие караси!)

Когда Стася дошла до карасей, ей наскучило быть писцом древнего Междуречья. И она задумалась. Пашку сегодня в садик не привели – ангина. Ну какая может быть ангина в июне? Но Павлентий, есть Павлентий – заболел. Стасины мысли перескочили с ангины на карасей: «Надо будет выпустить их сегодня в ванную – пусть плавают. Мама сказала, что караси свежие, а значит – не копчёные, а значит – могут плавать! А то в прошлый раз мама очень огорчалась, когда Стася выпустила в ванну копчёную скумбрию. Скумбрия не ожила, а бабушка – смеялась по телефону. Чего смеяться-то?»

Тут Стася заметила, что цифру один в списке загородили пацаничи серые кроссовки, которые плавно переходили в ноги в синих джинсах. Стася недовольно подняла глаза. Обладателем кроссовок и джинсов оказался Юрка Чебурахин. Чебурашка сопел и выжидательно смотрел на Стасю.

– Пойдем, – сказал Юрка.

– Куда? – спросила равнодушная Стася, всё ещё где-то на втором плане обдумывая аквариум для свежих карасей.

– Надо, – сказал Чебурашка и дёрнул Стасю за руку.

Юрка был немногословен. И обычно вежлив с девочками и воспитателями.

– Ладно.... С Юрасиком спорить было себе дороже – он упрямый, просто так не отвяжется. Чебурашка повёл Стасю, разумеется за веранду. Там располагалось любимое место Павлентия – Задворки. На задворках было сумрачно и сыро. Тень от веранды редко пускала сюда солнце. И чего это нового может случиться на Задворках без Павлентия? Стасе стало любопытно. Юрка подтащил Стасю за руку и уселся возле замшелого нижнего кирпича.

– Смотри! – шепотом бормотнул упрямый Чебурашка. И Стася посмотрела.

На влажной земле, покрытой зелёным налётом то ли мха, то ли плесени корчилась здоровенная косиножка. На паучка напали муравьи. С десяток маленьких чёрных мурашек кусали её за лапы. Косинога беспомощно дёргала толстым брюшком и бестолково сучила длинными, нескладными лапами.

– Ну и что ты любишься? – возмутилась Стася, всё ещё помня о списке дел и о карасях, – Спасать надо животное! Сам что ли не можешь с мурашками справиться?

Юрасик обиженно пыхтел.

– Посмотри, у неё глаза человечьи!

Стася фыркнула и щелчками принялась сощёлкивать приставучих мурашек с косинового туловища и ног.

– Человечьи... Человечьи... – ворчала Стася, – Это у тебя – человечьи. А у косиноги – косиноговы!

«Кстати, а есть ли вообще глаза у косиноги?» – промелькнуло у Стаси в голове. Юрик толкся рядом и вдавливал муравьёв пальцем во влажную землю. Стася бережно взяла косинога в руки. Вгляделась повнимательней...

– Ай! – взвизнула Стася и чуть не выкинула косиногу. Флегматичный Юрик только вздрогнул. У косиноги на голове... То есть на том месте, где должна быть голова у обычных косинок, светились мягким голубоватым светом два круглых глаза. Глаза, несомненно, принадлежали существу мыслящему.

«Спасибо. Стася!» – прошелестело у Стаси в голове. «Вы с Юркой не побоялись муравьёв и спасли меня».

– Хмм... Пожалуйста... – растерянно буркнул Юрка Чебурахин.

– Я – царь-Косиног. За то, что вы такие храбрые и добрые, я исполню любое ваше желание.

– Ну-ну, вот это фэнтези! Качественная! – воскликнула Стася. Чебурашка укоризненно посмотрел на Стасю, засмутился и прошептал:

– Я хочу... Я не хочу... Я хочу не быть больше толстым...

Косиног моргнул голубыми глазищами и... ничего не произошло.

– Тьфу ты, Юрка, глупость какая! – фыркнула Стася.

– Я, например, хочу, чтоб Павлентий завтра в садик пришёл! И что думаешь, он придёт завтра? Так быстро вылечится? И еще я хочу, чтоб караси жили у меня в ванной. А то рыба нам достаётся всё время солёная и неживая!

А ещё... Стася подумала про папу... Но... нет... вряд ли... баловство это... Папу не вернуть...

– БЫХ! – Косиног снова сверкнул голубым два раза. И – ничего!

Стася вздохнула, унесла незадачливого волшебника на веранду и посадила на сиденье – там хоть муравьёв нет. Юрик Чебурахин похлопал свой животик, вздохнул тяжело-тяжело и потопал к песочнице.

Стася вернулась к своему списку, как у древних людей Междуречья.

Потом был обед, потом сончас и полдник. Потом пришла стасина мама. Стася шла домой и думала о Павлентии. Как же ему там живётся с ангиной?

А в это время пятёрка свежих карасей неумоимо нарезали круги в Стасиной ванной, гордо рассекая серебристыми телами хлорированную городскую воду.

Золотой орех

Павлентий нашел его в песочнице. Когда откапывал бывалую модельку – «21Волгу». «Волга» зацепилась за него ржавым колесом. Пашка поддел совочком круглый, золотистый, чуть шершавый шарик. На боку шарика имелась вмятина. А сам кругляш будто состоял из двух половинок, смахивая при этом на грецкий орех. Только орех не настоящий, а непонятно из чего.

«Золотой?» – предположил Павлентий. И тут же у него возникло желание попробовать «орех» на зуб. Вдруг расколется? «А там – ядра чистый изумруд. Маме подарю. Она обрадуется» – размышлял Павлентий. Он бросил совок и «Волгу-бе», зачихал «орех» в карман джинсов и посмотрел на Оксану Михалну. Воспитательница увлеченно о чем-то спорила через забор с дворником Юрникалаичем. Пашка уловил из разговора слова «листья», «сжигать» и «сама виновата».

Все одnogруппники – «фантазеры» и «фантазерки» были при деле. Юрка-Чебурашка, Гоша, Вадик и Юля толпились в углу веранды. «Косиножку нашли», – подумал Пашка. Близнецы Матвей и Тимофей висели на лесенке. Настя Резник, Настя Пачина и Поля Моисеева лепили из песка и ранеток пирожки.

Павлентий бочком-бочком двинулся за веранду. За веранду ходить запрещалось. Считалось, что там ничья территория и воспитатели не могут как следует воспитывать там детей.

За верандой Павлентий достал находку из кармана, обтер золотистый орех об курточку. «Вроде бы чистый!» – подумал Пашка. И тут из-за угла возникла Стася. Ее косички шевелились от любопытства сами по себе. А шапкин помпон озадаченно свесился набок.

– Что делаешь? – спросила Стася. – Ранетки ешь?

– Н-нет – недовольно буркнул Пашка. И, по выражению Стасино лица понял, что от нее не отвязаться. Придется раскалывать орех на двоих.

– Вот смотри. В песке нашел.

– Ничего себе! Орех? Золотой? Пробовал? – осведомилась Стася.

– Н-нет.

– Давай расколем и съедим. Пока никто не пришел.

– Давай! – Павлентий сунул орех в рот – нажал. Орех противно заскрипел песком на зубах и даже не треснул.

– Бе-е... – скривился Пашка, сплюнул песок и вытер язык об рукав.

– Дай, я! – потребовала Стася.

Она выхватила обслюнявленный золотой орех, шоркнула о джинсы и сунула за щеку. Орех не поддавался. Пришлось признать, что молочные зубы – неподходящее средство для раскалывания орехов. Вдруг они услышали:

– Паша – Настасья! Ну-ка вышли из-за веранды!

Это скомандовала Оксана Михална. Павлентий вздохнул и потащился из-за веранды на солнечный участок. Стася вынула изо рта орех и поплелась за Пашкой. Они сели на песочницу. Рассеянно поковыряли совочком песок. Девчонки налепили пирогов с ранетками и принялись за пирожки с кремом. Крем находился в старом тюбике из-под зубной пасты. Остатков пасты хватило ровно на пять пирожков.

Стася спросила:

– Ну что, берем орех с собой?

– Нет, – помотал головой Павлентий, – В группе его у нас отберут. Или дети или Оксана Михална. Давай лучше спрячем!

– Где? За верандой?

– Нет! В песочнице. Здесь точно никто до завтра орех не найдет!

– Ага! – согласилась Стася, – Завтра с утра откопаем!

– Группа – строимся! – возвестила Оксана Михална, – На обед!

Павлентий быстро раскопал ямку в углу песочницы. Сунул туда орех и закопал обратно. Стася притоптала песок кроссовком.

– Паша – Настасья – строимся! – протараторила воспитательница. Ребята побежали догонять строй.

А тем временем капитан научно-исследовательской станции атиидов, отдавал приказ по внутренней связи:

– Экипаж! Меняется программа исследования! Переходим к плану «бета»! Наверх не выходим! Исследования показали, что поверхность повсеместно покрыта кремниевыми валунами. Два огромных белковых организма, не обладающих разумом, чуть не повредили нашу станцию. Но, хвала мудрейшим О-атидам, станция из сверхпрочного голдотитана магмы! Возвращаемся на базу!

Золотой орех выпустил тончайшую сеть. Сеть захватила песчинку и втянулась обратно. Научно-исследовательская станция «И-маго», задрожала, завертелась, набирая обороты. Песок вокруг нее начал плавиться. И через секунду золотой орех атиидов, набирая скорость, пошел вниз. Станция золотой иглой прошла песок, грунт, камень, опускаясь все ниже и ниже, туда, где возле ядра планеты, давным-давно жила своей жизнью цивилизация мудрейших атиидов.

В пути младший атиид станции «И-маго» отбил сообщение родным:

«На поверхности нашей планеты «З» разумной жизни не обнаружено. Скоро вернемся! Готовьте пирог!»

Про грибы, капусту и замок

– Ха! Да летом в садике любой может найти, что поесть! – разглагольствовал Павлентий, – Можно ранетки есть. Или колоски пожевать, сирень, кору кленовую попробовать или листья. Я кору пробовал – она горькая. И листья тоже. А помнишь, Стась, как мы в прошлом году грибы откопали?

Стася важным кивком подтвердила Пашкины слова.

– Да-а, было время! – мечтательно протянула она. Мы тогда совсем маленькими «Фантазёрами» были...

В глазах Толика вспыхнул огонёк любопытства. Толик – новенький. За завтраком Оксана Михална представила тощенького вихрастого мальчишку:

– Вот, ребята, знакомьтесь! Это Толик, он из Тюмени приехал.

Толик застенчиво заморгал своими черными глазами. Затрепетали пушистые ресницы.

– Теперь нашего «Фантазёрского» полку прибыло.

Стася в это время обсуждала с Любой – есть масло или размазать по тарелке. И поэтому не очень поняла, что значит «полку прибыло». «Мы что, на войну собираемся?» – рассеянно подумала Стася. Перед ее мысленным взором промелькнули все «Фантазёры», одетые в камуфляж и с автоматами наперевес. Толик – впереди. А у Любы из-под берета выбиваются розовые бантики. «Фу-х!» – прогнала Стася глупую мысль – «Наверно, Оксана Михална имела в виду не это... Она, похоже, хотела сказать, что новенький из военной Тюмени приехал. И теперь будет нами командовать...». Масло одним взмахом ложки размазалось по Стасиной тарелке.

После завтрака «Фантазёры» вышли на прогулку. Пока весь народ с ледянками штурмовал горку, Стася и Павлентий отвели Толика в укромный уголок – за веранду. Туда дворник Юрникалаич с начала зимы сбрасывал ненужный снег. Видимо, Юрникалаич имел на этот снег какие-то свои виды. А пока снег лежал невостребованным. Пашка и Стася приглядели симпатичный сугроб и уходили за него в случае крайней необходимости – поговорить. Сегодня они привели за сугроб Толика – знакомиться.

– А грибы мы прошлым летом нашли. Там – на участке – рассказывала Стася. Ей нравилось, как Толик на нее смотрит – серьезными, удивленными глазами.

– Я копала метро около лесенки. Знаешь ведь, в нашем городе метро очень медленно строят. Вот мы с Пашкой и решили помочь. А то будет нам двадцать лет – старые станем, а на метро так и не покатаемся! Ну и вот, копаю-копаю, вдруг смотрю – что-то беленькое откопалось – зову его.

– Да! – подхватил Пашка, – Я понюхал – пахнет грибами!

– Ну, мы и съели! Вкусотища! – Стася облизнулась.

– Да, летом много чего есть поесть... – снова многозначительно заметил Павлентий.

– Настя, Паша! Чего вы там с Толиком делаете? – подала голос Оксана Михална, – Ну-ка марш на участок!

– Как всегда... – вздохнул Павлентий, – Поговорить не дают...

Ребята протиснулись между сугробом и верандой на участок. Толик покосился на Оксану Михалну, глаза его недоверчиво прищурились:

– А не врете? Неужели вам все это есть разрешают?

– Конечно, не разрешают!

– Не врём!!! – в один голос воскликнули Пашка и Стася.

– Оксана Михална просто не всё видит. Она постоянно занята – разговаривает. Или с другими воспитателями, или с Юрникалаичем.

– Стась, Оксана Михална на самом деле – нормальная. Если б она следила за нами ещё сильнее, не ходить бы нам с тобой за веранду, не есть грибы или вот – капусту...

– Какую еще капусту? – удивился Толик.

– Какую-какую – белокочанную! – блеснула знаниями Стася, – Грибы и ранетки мы только летом едим. А зимой – ранетки – бе-е-е...невкусные. Грибы под снегом. Приходится зимой капусту трескать.

– Да, – подтвердил Павлентий, – В садик грузовик капусту привозит. От нее листья отпадают и в снегу остаются. А мы со Стасей эти листья подбираем и едим. Сла-адко! Как мороженка прям!

Толику стало не по себе. Да как же так! Он же, Толик – из Тюмени, а этих двоих удивить нечем... Всё интересное уже произошло у них... Толик отчаянно оглянулся. И вдруг увидел на сетке забора толстый висячий замок. Юрникалаич потерял от замка ключи еще осенью. Теперь замку предстояло висеть на заборе вечно. Толик ничего этого не знал. Но зато он видел, что замок переливается на солнце вкусным пушистым инеем. Толик вырвал свою перчатку из Стасиной рукавичной ладошки и рванул через сугроб к замку. Павлентий хотел крикнуть, да не успел.

Толик подскочил к забору, схватился за сетку, приподнялся на цыпочки и лизнул аппетитный иней на боку замка. «Приятно, – подумал Толик, – пахнет Новым годом...»

– А-а-ах! – вдруг донёсся до Толика вскрик Стаси. И Толику показалось, что слышит он в этом коротком возгласе не восхищение, а почему-то страх. «Чего это она?» – подумал Толик. И хотел уже бросить попробовать замок. Но – не тут-то было! Язык! Его язык предательски не хотел отлепляться от замка! Толик попробовал дернуть языком туда-сюда – язык оставался на месте. Тогда Толик рванулся изо всех сил! Слезы брызнули из глаз! Во рту будто взорвалась бомбочка. Да так там и осталась тлеть колючим осколком. Но Толик сдержался. Он же из Тюмени. Нельзя реветь из-за какого-то замка в первый день. Еще и при Стасе. Толик сосредоточился – темные глаза его будто подёрнулись невидимой дымкой. И промелькнул в коричневой глубине толиковых глаз синяя, будто электрическая искра. Из рта мальчишки, прямо из-под примерзшего языка высунулся еще один длинный, гибкий голубой язык. Язык лентой обвился вокруг замка. Пошел еле заметный пар. Крепкая дужка покрылась пятнами коррозии. Синий язык втянулся обратно, розовый отлип от железки и тоже спрятался в рот. Глаза Толика мягко заблестели. Замок качался на изъеденной дужке, покосился и рухнул в снег. Подбежали Павлентий со Стасей.

– Ну что, вкусно? – спросила Стася.

– Вкусно! – буркнул Толик, еле шевеля распухшим розовым языком.

– Ура! – восхитился Пашка, – Завтра мы тоже попробуем! Правда, Стась? А то сегодня Толик весь иней съел! И...замок???

– Нет! – крикнул, как мог, Толик, – Вот еще глупости! Замок сам отвалился! А железки не пробуйте – противно! Воняют!

– Н-уу, ладно! Как скажешь, воняют, так воняют, – пожала плечами Стася, – Может, завтра капусту привезут...

Толик оглянулся на ямку в сугробе, где теперь покоился замок. В темных глазах вновь вспыхнула маленькая молния. «Ни за что... Не сегодня... Может когда-нибудь... Расскажу, когда метро построят...» – думал Толик, пока все шли на обед.

В обед Толик не мог есть картофельное пюре. Розовый язык от соли жгло, будто огнём. Пришлось незаметно обмотать его синим. Но Толик не плакал – ведь он из Тюмени.

А в среду в садик приехал грузовик с капустой.

Пангасиус

Пангасиус – это звезда. И когда душистой июльской ночью выходишь на балкон, Пангасиус подмигивает тебе ярко – зеленым глазом неподалеку от правого рога Кассиопеи...

Стася часто думала о Пангасиусе. Особенно, когда мама уходила на дежурство в больницу, а она оставалась дома одна. Конечно, бывало, и так, что девчонка, едва добравшись до подушки, моментально засыпала. Но бывали и такие вечера, когда Стася долго не могла уснуть, ворочалась и даже неслышно плакала. Тогда она вспоминала о Пангасиусе.

Когда-то Пангасиус показал Стасе папа. Папа всегда выходил на балкон с «молодым поколением». И там они могли говорить с Пангасиусом по душам сколько хочешь.

Они с мамой уже три года, как-то существуют без папы. Мама все работает и работает. Бессонные дежурства в больнице прибавили ей темноты под глазами и суровую складку между бровей. А глаза у мамы остались прежними – прозрачно-зелеными, точно утренняя морская волна.

Стася вспомнила, как мамины глаза сияли, когда папа получил майора.

Праздновали всей семьей. А через неделю папа умер. Получил серьёзное ранение прямо на базе и умер. Стася помнит ночную суету, срочные сборы и последний папин видеозвонок: «Прилетели мы в Сирию. Будем служить Отечеству в Хмеймиме. Это военная база наших. Все хорошо. Целую всех.»

А потом... потом... случилось страшное. Стася слушала и не могла поверить. Как же так? Ведь Новый год! Несправедливо это! Сухие строчки Интернет-новостей расплывались и множились в стасиных слезах. «В результате минометного обстрела российской авиабазы Хмеймим в Сирии 31 декабря были повреждены и фактически выведены из строя не менее 7 боевых самолетов. Ранения получили около 10 военнослужащих.

Утверждается, что выведены из строя четыре фронтовых бомбардировщика Су-24, два многоцелевых истребителя Су-35С и один военно-транспортный самолет Ан-72.»

Стася не очень понимала, кто обстрелял папину самолётную базу, но точно знала, что это страшные, жестокие люди – они убили папу... Папу!!! Её ПАПУ!!! И мама теперь ночами плачет горько в подушку и пропадает а работе. Потускнели её зелёные глаза.

Стася с тех пор подолгу смотрела на небо. Она представляла, что там, на Пангасиусе теперь живет папа. Стремительно проносится на своей «сушке» над изумрудными всполохами звезды. И вдруг вспомнила, как она, трёхлетняя, ещё не садиковская даже спросила у папы:

– Пап, а мы думаем печатными или прописными буквами?

Папа удивился, но все-таки придумал ответ:

– Ты, Стасенька, раз умеешь писать буквы только печатными, значит, и думаешь по-печатному. А мы с мамой, раз пишем прописью, значит, и мысли наши тоже выходят прописными буквами!

– А когда печатные мысли превращаются в прописные? – продолжала допытываться Стася.

Папа взьерошил широкой шершавой ладонью жесткий ежик седеющих волос и ответил:

– Ну-у, наверно, когда писать учатся... Вот ты, например, сначала вообще не думала буквами, только мыслями, а сейчас думаешь по-печатному, а писать научишься – будешь мыслить по-письменному!

Стася слизнула со щек две тяжелые слезинки. Посмотрела на часы – опять пол-второго...

Ничего не поделаешь, получается, что она снова полуночничает. И мама с утра её не добудится. А завтра на два дня ехать к бабушке.

«Хорошо, – убедила себя Стася, – Я же взгляну на Пангасиус всего одним глазком. А там – сразу спать!»

Она вышла на балкон. Едва слышно скрипнула дверь. Стася ее все время ответственно прикрывала за собой. «Чтоб комары не налетели,» – как говорила мама. И откуда они только берутся на восьмом этаже?

Ночь встретила Стасю терпким ароматом душистого табака, цветущего в ящике на соседском балконе. Она поморщилась, облокотилась на широкие перила и впиалась взглядом в безоблачное бархатное небо.

Неподалеку от правого рога Кассиопеи Пангасиус все так же мерцал таинственной зеленой искоркой. Девчужке даже почудилось, что Пангасиус сегодня уж слишком часто мигает, будто шлет ему неведомые сигналы на своем звездном языке.

И представилось Стасе, что там, на Пангасиусе, по берегу изумрудного моря с серебристой пеной не спеша идет папа. По папиным плечам струится шелковая зеленая тога. И он, загорелый и широкоплечий, подставляет лицо теплomu, пропитанному солью, ветру. На влажном желтом песке за папой остается цепочка следов, а прибор старается дотянуться волной до папиных ног.

Вот папа нагнулся и вытащил из песка длинную извитую раковину, вытряхнул из нее песок, поднес к губам. Стася будто услышала призывный, печально-пронзительный звук, а вслед за ним – перестук множества копыт. Из-за песчаной дюны вынеслись и поскакали к папе... олени. Мегалоцерусы, такие, про которых папа читал Стасе. Один – другой – пятый... Гордо вскинутые головы несут огромные жемчужно-зелёные рога, ноздри трепещут...

– Пангасиус... – прошелестела одними губами Стася, боясь спугнуть волшебное видение.

На папино плечо склонил тяжелую лобастую голову олений вожак. Папа нежно погладил перламутровые бархатные рога. И вдруг посмотрел Стасе прямо в глаза.

Стася подумала: «Только бы не моргнуть, только бы не моргнуть...». От долгого неморгания защипало в глазах, потекли слезы.

Она не выдержала и всё-таки моргнула – видение исчезло. Лишь зеленая точка Пангасиуса все так же приветливо подмигивала неподалеку от правого рога Кассиопеи.

Девчужка еще немного постояла, глядя в темноту. По спине пробежали мурашки, то ли от ветра, то ли еще от чего...

Стася передернула плечами и прошептала далекому папиному Пангасиусу:

– Спокойной ночи...

И пошла спать.

Утром Стася проснулась оттого, что пола шелкового мамино халата настойчиво щекотала её высунувшуюся из-под одеяла ногу. Стася приоткрыла глаза – мама стояла над ней и вытаскивала с антресолей над кроватью какие-то вещи.

Мама достала её новый «военный» костюм с круглым шевроном «морская авиация» на рукаве и сложила в спортивный рюкзак.

Потом она наклонилась и с размаху чмокнула Стасю в нос.

Она от неожиданности ойкнула и проснулась окончательно.

Мама рассмеялась:

– С добрым утром, сонюшка! Я уже дома, тебе пора вставать, а то на автобус опоздаем!

Стася потянулась и зевнул в потолок. А мама, проходя, чмокнула её в ухо. Мама по – рассеянности всегда целовала её в самые неожиданные места – то в голову, то в коленку, то в локоть. Стася уже привыкла и не удивилась, когда в ухе звонко «выстрелил» мамин поцелуй.

– Стасенька, ты не забыла? Тебе сегодня к бабушке! Погостишь у нее пару дней – развеешься, по ягоды ходите с бабулей, может и по грибы, в речке искупаешься. Но только в лес далеко не ходите, мало ли что... – напутствовала мама. Стася машинально кивала и одевалась.

– А я пангасиуса купила, сейчас нажарю – отвезешь бабушке, а то она давно...

Мама не успела закончить фразу. Потому что Стася вдруг резко подскочила на кровати, будто её током ударило. Мама едва успела отпрянуть. Дочь сорвалась с кровати и понеслась, сшибая углы на кухню.

На столике, возле раковины в целлофановом пакете лежала... рыба.

Белая, размокшая, без костей и шкурки.

Стася пошевелила вялые рыбы тушки пальцем. Сзади подошла мама и погладила дочку по спине:

– Стась, ты что? Это просто рыба – пангасиус. Я вот и тесто для кляра разболтала. Хотела пожарить для бабушки в гостинец рыбу в кляре... Ты ведь тоже любишь?

Стася ничего не ответила. Она стояла и исподлобья смотрела на рыбу. Девчонке хотелось плакать. А еще хотелось прокричать маме, что Пангасиус – это никакая не рыба, а звезда!

Да! Звезда! И что на Пангасиусе папа! И изумрудное море! И олени с огромными рогами! И она, Стася, видит Пангасиус каждую ночь неподалеку от правого рога Кассиопеи...

Шур и Фрося

Павлентий сидел на лавочке возле подъезда и сосредоточенно отдирает наклейку от спичечного коробка. Упрямая наклейка с надписью «Берегите лес от огня!» никак не хотела отрываться. Время от времени Пашка подносил коробок к уху и слушал. Там шуршали.

Июньский день катился к вечеру. Павлентий в июне всё еще ходил в садик. Его маме не давали отпуск. Стасе повезло – мама ее забрала в «отпуск» и они вдвоем ездили в сад – на дачу. И к бабушке – маме сташиного папы. Бабушку тоже забывать нельзя. Сташин папа погиб и бабушка осталась совсем одна в деревне.

Почему родителям не всем достается отпуск летом? Из-за глупых начальников! Павлентий был уверен, что он, когда вырастет, уж точно исправит эту ошибку государства! Именно из-за ошибки государства Пашке и приходилось «фантазировать» в одиночестве. Без Стаси в «Фантазёрах» было скучно, поэтому Павлентий придумывал себе разные занятия самостоятельно. И каждый вечер ждал Стасю. Вот и сейчас – ждал. И слушал. В коробке продолжали шепуршаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.